

Впрочем, уже из первых строк ярославского «исторического анекдота» становится понятно, что обращен он был к вполне определенному читателю — «россиянину, который на нижегородскую ярмарку прибыл». Очевидно, здесь и кроется разгадка этого неизвестного (или забытого?) трефоловского произведения. В 1880-х годах литератор активно сотрудничал с печатным изданием знаменитого всероссийского торжища — «Нижегородской почтой» и не раз просил своего друга, ростовского купца Андрея Титова, быть посредником и ходатаем за него в редакции этой газеты... «ради презренных четвертаков».

Так это или нет и верна ли моя догадка, — ответить поможет только специальное ис-

следование, проведенное на основе изучения документов архивных и библиотечных хранилищ. Однако независимо от ее доказанности мы счастливы вновь прикоснуться к творческому наследию одного из самых ярких ярославских краеведов XIX — начала XX века через обретение его подлинной рукописи. Для архивиста и исследователя прошлого, пожалуй, ничто не может сравниться с волнующим обаянием «живого» исторического документа.

Ярослав СМИРНОВ,
заведующий отделом Государственного
архива Ярославской области,
главный редактор журнала
«Ярославская старина»

Леонид ТРЕФОЛЕВ

Рассказ о том, как даниловцы по канату ходили

Исторический анекдот

Полагаем, что каждому благовоспитанному россиянину, который на нижегородскую ярмарку прибыл, известны следующие исторические факты: пошехонцы-слепороды в трех соснах заблудились; любимцы-бахвалы козу пряником кормили, а сами без портов ходили; романовцы-луковники барана в люльке качали, его «батушкой-баринном» величали; угличане состряпали колбасу, да и та не понравилась голодному псу; мологжане построили 500 кабаков на 500 дураков: по сколько на брата приходится? Ростовцы в своем озере глубоком топились, утонуть не могли: воды не хватило.

Все сии исторические факты, повторяем, общеизвестны и не подлежат ни малейшему сомнению. Но мы думаем, что, несмотря на процветание отечественной истории, от внимания ее ускользнул замечательный факт, случившийся, как и все вышеупомянутые события, в той же Ярославской губернии, именно — тот факт, что даниловцы-самоварники по канату ходили. Это было в 1841 году при следующих обстоятельствах, достоверность которых мы не затрудняемся подкрепить нашей подписью. Nonni soit qui mal у pense...¹

¹ Да будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает (фр.) — девиз английского рыцарского Ордена подвязки. — Я. С.

В мае означенного года император Николай I изволил следовать из Ярославля в Вологду и далее на север — в Архангельск. Путь лежал чрез город Данилов. Там, вместе с уездом, власть олицетворялась в особах земского исправника Пазухина и городничего Балаболкина. Последний был старый кавказский служака времен Ермолова. Благодарные даниловцы верили, что в целом мире нет человека храбрее Фрола Терентьевича Балаболкина: так гармонически назывался сей герой! Равным образом даниловцы не сомневались и в блестящих умственных способностях исправника, Михаила Павловича Пазухина, и пребывали в сем приятном заблуждении до воследования над ним строгой, но вполне справедливой высочайшей конфирмации.

Осведомившись о предстоящем счастье видеть государя, даниловцы толпами стекались на большую дорогу. Бабы и девки устилали между березовыми аллеями «царский путь» холстами, новинами и полотнами. Все радовались, что государевы лошади затопчут их, — тем лучше: «царский знак» останется! Но невинных даниловских патриотов вскоре постигло горькое разочарование. Прискакал на границу уезда, в деревню Усолкино, земский исправник и глубокомысленно спросил баб и дев юных и неопытных:

— А что это такое по дороге белеется? Ась?

— А это наши полотна на царском пути белеются! — воскликнули невинные патриотки, думая, что сия жертва будет угодна царю.

Запыхтел Пазухин, ибо (по свидетельству туземных историков) весьма тучен был, так что «под тяжестью его тела неоднократно рессоры в экипажах ломались»; запыхтевши, спросил:

— А кто тот злоумышленник, который вам сие дело присоветовал? Ась? И какими законами Российской империи вы руководствовались?

Бабы и девки смиренно покаялись, что они доподлинно виноваты: не испросили надлежащего разрешения у начальства; согрешили же без всякого подговору, неумышленно, по усердию, думая, что тут ничего такого, что законами Российской империи воспрещается, отнюдь не содержится; если же, паче чаяния, оные законы повелевают убрать новины и полотна с дороги, то они уберут их беспрекословно, обязуясь впредь ничего подобного себе не дозволять. Мы отказываемся утверждать, что именно так, буквально так выражались даниловские патриотки; но не удалимся от истины, заметив, что они дали исправнику «подписку» в этом смысле.

— Убрать! — живо решил Пазухин. — Поедут государевы лошади, увидят на дороге белые полотна, примут их за чрезвычайное, сверхъестественное явление — за белый снег в мае месяце, и испугаются, и понесут, и опрокинут государеву коляску; а он, как недавно в Чембарском уезде случилось, изволит вывихнуть себе ручку... Кто тогда отвечать будет? Ась? Убрать, такие-сякие!

Убрали. Царская дорога сделалась опять черною. Помчавшись далее, исправник увидел в селе Архангельском на реке Касти несметную толпу мужиков, стоявших на горе, и спросил:

— Вы зачем здесь шумите, с-ны дети? Ась?

— Да вот, ваше благородие Михайло Павлович, ждем не дождемся царя-батюшку. Кафтанишки и зипунишки на дорогу стелем, чтобы, значит, по ним царские лошадки покатались...

— А кто сей злоумышленник? — и т. д.

Последовала вновь ссылка на печальный случай в Чембарском уезде: «Государевы лошади испугаются, увидя ваши рыжие и седые бороды... понесут, опрокинут коляску... Я же буду в ответе... Кафтанишки убрать! Живо! На дорогу не выступать! Оцепить ее канатом и ходить за канатом!»

Сказано — сделано. Означенное мудрое распоряжение было объявлено заблаговременно, т. е. часов за 10 до царского поезда, почему и канатов и веревок оказалось достаточное количество. Оцепив таким образом дорогу, Пазухин еще, кстати, распорядился:

— Чтоб лошади не испугались, «ура» не кричать: стоять и молчать!

Так и было. Народ стоял за канатом и, по многозначительному выражению Пушкина, «безмолвствовал». Молчание это удивило императора Николая. Он привык видеть и слышать народные шумные, восторженные встречи... И вдруг здесь, в каком-то захолустном Даниловском уезде, нет народного голоса! Людей видимо-невидимо, но все молчат, стоят «по ранжиру», не приближаются к нему, не приветствуют его громким «ура»!

В деревне Грабежеве, видя то же странное явление, император приказал остановить лошадей. Сопровождавший его шеф жандармов, граф Александр Христофорович Бенкендорф, закричал:

— Исправник! К государю, сюда!

Но исправника не оказалось: он умчался далее, полагая, что долг службы требует встретить августейшего путешественника у городской заставы, а затем верноподданнейше рапортовать о благополучном состоянии уезда.

Вместо исправника к императору подошел дряхлый, седой старик на костыле, в солдатской амуниции:

— Здравия желаем Вашему императорскому величеству!

— Ты, старина, знаешь меня?

— Младенцем видал, воротясь из швейцарского похода, с князем Суворовым, значит, при государе Павле Петровиче...

— Молодец, старина! Спасибо за память. — Государь дал ему «на погребение» 50 рублей. — Ну, а не знаешь ли ты, почему здесь от меня народ сторонится?

— По канату, Ваше императорское величество!

— Как так, по канату?

— Исправник распоряжение мужикам отдал, чтобы они по канату ходили, подальше от тебя, государь...

— Ах, он... дурак! Вели разорвать канат! Ко мне, дети!

Последовала трогательная сцена, которую описывать не беремся. Императорский поезд отправился далее. У городской заставы государь остановился и закричал:

— Исправник! Где ты?

— Здесь, Ваше императорское величество. Имею счастье всеподданнейше рапортовать: в Даниловском уезде все обстоит благополучно!

— Ты устроил канат? Для чего?

— Для пользы службы, Ваше императорское величество!

— Как тебя зовут?

— Михаил Павлов сын Пазухин, Ваше императорское величество!

— Бенкендорф, запиши имя этого дурака. Следует знать всех на Руси: и умников, и таких молодцов, как он. А тебе, Пазухин, объявляю всенародно, что ты — дурак...

— Слушаю, Ваше императорское величество!

— Может быть, ты устроил канаты и дальше?

— Вплоть до границы Любимского уезда, Ваше императорское величество!

— Хорошо. Скачи туда и везде уничтожь канаты. Я не хочу, чтоб мой народ — мои дети — ходили по канату. А потом, не показываясь мне на глаза, отправься в Ярославль, явись к губернатору и доложи, что ты арестован мною на гауптвахте, как дурак, на целую неделю. Доложи еще Полторацкому (губернатору), что я сожалею о ярославском дворянстве, избирающем подобных тебе дураков... Понял?

— Имел счастье понять, Ваше императорское величество!

Исправник полетел исполнять высочайшую волю, и государь приказал городничему ехать вперед; но ему было оттрапортовано, что он, городничий, не дерзает опередить августейшего монарха.

— Ты, должно быть, тоже из «умников»? — улыбнулся государь.

— Не могу знать, Ваше императорское величество!

— Императорским словом приказываю тебе ехать впереди моего экипажа и показать кучеру моему приготовленный для меня дом. Марш!

Кавказский герой повиновался, но в дверях учинил ретираду и на приказание государя показать ему комнаты вновь отозвался невозможностью идти впереди обожаемого монарха, имея только чин подполковника. Государю показалась эта отговорка очень забавною, и он спросил:

— Ты где служил, подполковник?

— На Кавказе, Ваше императорское величество!

— На чеченские аулы ходил штурмом?

— Сколько раз, Ваше императорское величество!

— А покажи мне, как ты ходил. Представь себе, что это аул в горах. Марш! Вперед, храбрее!

Городничий изобразил собою штурмующее войско и хотя в дверях несколько и струхнул, но, сделав полуоборот направо, вступил бочком во «дворец» и доложил:

— Аул взят, государь!

— Молодец! Как твоя фамилия?

Следует заметить, что городничий имел слабость даже в официальной переписке величать себя сполна, а потому и на сей раз отрекомендовался «Фролом Терентьевичем Балаболкиным». Государь и Бенкендорф захохотали.

— Как? Как? Повтори!

— Фрол Терентьев Балаболкин, Ваше императорское величество!

— Бенкендорф, запиши! Прощай, Фрол Терентьевич Балаболкин!

Засим Николай I отправился, после краткого отдохновения, в дальнейший путь, милостиво дав поцеловать свою державную руку кавказскому герою. Сей же последний, находясь однажды в компании с Пазухиным и Некрасовым (отцом поэта), который служил земским исправником Ярославского уезда, примирил их. Некрасов обозвал Пазухина «дураком». Оскорбленный вознамерился жаловаться уездному суду; но Ф. Т. Балаболкин, как благородный свидетель, сослался на «высочайшую конфирмацию», учиненную в 1841 году, — почему М. П. Пазухин и не дерзнул жаловаться ни уездному суду, ни ярославской уголовной палате, где, достигнув маститой старости, он доблестно служил дворянским заседателем.